

СООБЩЕНИЯ

К ВОПРОСУ О РОЛИ СТОЯНА ЗАИМОВА В БОЛГАРСКОМ ОСВОБОДИТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ

Йоно Митев

Богата и многогранна 500-летняя история освободительной борьбы болгарского народа против турецких захватчиков, поработивших Болгарию еще в XVI веке. Эта борьба сыграла большую роль не только в истории болгарского народа, но и других народов: румын, сербов, черногорцев, хорватов, албанцев, греков, — которым пришлось сражаться за свободу, против турецких завоевателей. Народ Болгарии выдвинул из своей среды бесстрашных героев и выдающихся руководителей освободительного движения. Имена многих славных сынов Болгарии широко известны в России. И это естественно. Россия на протяжении столетий, и особенно в XIX в., оказывала большую помощь болгарскому и другим народам в их борьбе против турецкого ига.

Среди выдающихся национальных героев Болгарии первое место принадлежит Христо Ботеву и Василию Левскому. Вместе с ними боролись многие другие революционеры.

Одним из видных деятелей народно-освободительного движения в Болгарии в этот период являлся Стоян Заимов. К сожалению, в отношении С. Заимова и в болгарской и в советской литературе высказывались нередко противоречивые, иногда неправильные суждения; под сомнение ставилось доброе имя этого революционера. В 1914 г. известный турколог Д. Г. Гаджанов издал «Турецкие источники по новой истории Болгарии»¹. В сборнике были опубликованы показания С. Заимова турецким следственным властям. Давая оценку его поведения перед следствием, Д. Г. Гаджанов писал: «В некоторых местах своих показаний Заимов старался запутать турок, поскольку это относилось к существованию и других болгарских революционных комитетов в ряде европейских городов, но дальше он излагал всю организацию комитетов с указанием имен и мест. Он только отказался сказать, в каком доме он прятался».

В 1932 г. в связи со смертью С. Заимова известный болгарский публицист и революционный деятель Г. Бакалов опубликовал в журнале «Звезда» статью, в которой обвинил С. Заимова в предательстве². В 1946 г. вышла в свет книга С. Каракостова «Диарбекирские заключенные»³. В ней автор, между прочим, сообщил следующее: когда С. Заимов бежал из Диарбекира, П. Берковский, также находившийся там в заключении, писал П. Хитову, что С. Заимов — предатель.

В 1949 г. в связи со столетием со дня рождения Христо Ботева был издан сборник статей и документов⁴. В нем были помещены турецкие документы о чете (отряде) Ботева, содержащие некоторые сведения и о С. Заимове. В подстрочном комментарии к одному из документов Б. Недков писал: «Заимов, как мы видели выше (док. XVIII), был пойман

¹ Д. Г. Гаджанов. Турски източници за новата ни история. Сборник. Кн. III. София. 1914.

² См. журнал «Звезда». София. 1932, № 5, стр. 230—231.

³ См. С. Каракостов. Диарбекирски заточеници. София. 1946, стр. 404.

⁴ «Христо Ботев». Сборник по случай сто години от рождението му. София. 1949.

25 мая во Враце. Там ему был устроен первый допрос, во время которого он сделал полное признание и выдал наиболее видных людей комитета во Враце, Оряхово, Берковице, Ломе и Орхание с целью облегчить свое положение»⁵. Следует отметить, что при публикации в 1956 г. тех же документов в третьем томе сборника «Апрельское восстание 1876 г.» Б. Недков уже не выступал с подобным комментарием⁶.

В 1954 г. в первом томе упомянутого сборника было опубликовано письмо Петраны Обретеновой Д. Горову. В нем она называла Заимова предателем, писала, что он выдал ее брата Николу Обретенова⁷.

С подобными обвинениями С. Заимова выступил также советский историк В. Д. Конобеев. В статье «Материалы о национально-освободительном движении в Болгарии накануне русско-турецкой войны»⁸ он писал: «Другим обстоятельством, отрицательно повлиявшим на успех отряда Х. Ботева и особенно на успех восстания во Враце, было трусливое, предательское поведение Стояна Заимова, которому было поручено руководить восстанием во Врачанском округе. Предательское поведение Стояна Заимова видно из турецких документов, опубликованных в указанном выше сборнике⁹. Желая спасти свою жизнь, С. Заимов при аресте выдал всех руководителей восстания во Враце и большинстве городов Северной Болгарии, которые и были арестованы турецкими властями...». Цитируя некоторые документы из Архива внешней политики России, В. Д. Конобеев утверждал, что С. Заимов раскаялся перед турецким судом в своей революционной деятельности и назвал болгарских революционеров (комитаджиев) «ничтожными людьми»¹⁰.

Наряду с приведенной выше оценкой С. Заимова и в болгарских и в советских изданиях имеются прямо противоположные точки зрения на характер деятельности Стояна Заимова. В изданной в нашей стране двухтомной «Истории Болгарии» говорится, что Стоян Заимов являлся одним из создателей Гюргевского Центрального комитета и организатором (апостолом) Врачанского революционного округа¹¹.

В двухтомной «Истории Болгарии» — коллективном труде ряда советских историков — указано, что С. Заимов принял участие в образовании Гюргевского Центрального революционного комитета и являлся одним из четырех главных апостолов, которые должны были подготовить и поднять восстание¹².

Проф. А. Бурмов в известной книге «БРЦК» пишет, что С. Заимов вместе с Н. Обретеновым и П. Воловым «заложил основы Гюргевского Центрального революционного комитета»¹³. Проф. Хр. Гандев в своем труде об Апрельском восстании отмечает, что С. Заимов хотя и остался без помощников, тем не менее развил значительную деятельность по подготовке восстания¹⁴. Во всех этих работах нет и намека на предательское поведение Заимова.

В 1956 г., когда с большой торжественностью праздновалась 80-я годовщина Апрельского восстания 1876 г., редакция газеты «Работниче-

⁵ Там же, стр. 741.

⁶ «Априлското въстание 1876 г.». Т. III, София. 1956, стр. 286.

⁷ Там же. Т. I. София. 1954, стр. 488.

⁸ Указанная статья В. Д. Конобеева опубликована в сборнике «Освобождение Болгарии от турецкого ига». Под ред. Л. Б. Валева, С. А. Никитина, П. Н. Третьякова. Изд. Академии наук СССР. М. 1953, стр. 305—321.

⁹ Речь идет о сборнике «Христо Ботев».

¹⁰ См. В. Д. Конобеев. Указ. соч., стр. 314—315.

¹¹ См. «История на България». Т. I. Под ред. на чл.-корр. Д. Косев, чл.-корр. Д. П. Димитров, проф. Ж. Натан, проф. Хр. Христов и проф. Д. Ангелов. София. 1954, стр. 454, 458, 469.

¹² См. «История Болгарии». Т. I. Изд. Института славяноведения АН СССР. Под ред. П. Н. Третьякова, С. А. Никитина и Л. Б. Валева. М. 1955, стр. 280, 282.

¹³ Ал. Бурмов. БРЦК. София. 1950, стр. 147.

¹⁴ Хр. Гандев. Априлското въстание 1876 година (Исторически очерк). София. 1956, стр. 92—93.

ско дело» поместила в юбилейном номере наряду с портретами Г. Бенковского, П. Волова, Т. Каблешкова, И. Драгостинова и других портрет С. Заимова как одного из заслуженных деятелей болгарского национально-революционного движения¹⁵.

В период гитлеровской тирании болгарские фашисты расстреляли сына Стояна Заимова генерала Владимира Заимова, горячего патриота своей родины, активно боровшегося с германским фашизмом и его болгарской агентурой. Болгарская подпольная радиостанция, носившая имя Христо Ботева, передавала: «Презренные и подлые болгарские шпионы и лакеи Гитлера первого июня осудили и расстреляли генерала Заимова, одного из храбрых, честных и верных сынов нашей армии и нашего народа, сына Стояна Заимова — известного сподвижника Василя Левского...»¹⁶.

В связи с имеющимися противоречиями в оценке С. Заимова, видимо, необходимо кратко рассказать о его революционной деятельности, а также проанализировать в свете всех имеющихся в нашем распоряжении документов и материалов поведение С. Заимова перед турецким судом, чтобы установить, были ли основания характеризовать его как предателя.

С. Заимов родился в 1853 г. в городе Чирпане, в семье торговца. Его отец был убит турками.

С. Заимов учился в Чирпане, Старой Загоре и Пловдиве, затем работал учителем в Хаскове. Он вступил во Внутреннюю революционную организацию, основанную Василем Левским. В 1873 г. вместе с Атанасом Узуновым, заместителем Левского, Заимов был осужден на вечную каторгу и заточен в Диарбекир. На следующий год ему удалось бежать отсюда в Бухарест, где он познакомился с Л. Каравеловым и Хр. Ботевым, а также и с другими руководителями БРЦК. В 1875 г., когда в Болгарии было подготовлено восстание, Заимов вместе с Георгием Бенковским и другими революционерами тайно пробрался в Константинополь. Было решено, что в момент восстания Заимов, Бенковский и их товарищи подожгут турецкую столицу. Но восстание не увенчалось успехом, и они вернулись в Румынию.

После безуспешной попытки поднять восстание Хр. Ботев подал в отставку и вышел в сентябре 1875 г. из Болгарского революционного Центрального комитета. БРЦК перестал существовать.

Осенью 1875 г. группа революционеров — соратники Ботева Никола Обретенев, Стоян Заимов, Стефан Стамболов, Панайот Волон, Иларион Драгостинов и другие — собралась в Гюргево и образовала новый Центральный комитет, получивший название Гюргевского. Комитет решил подготовить и поднять народное восстание в начале мая 1876 года. Страна была разделена на четыре революционных округа: Тырновский (I), Сливенский (II), Врачанский (III) и Пловдивский (IV). Для руководства каждым округом были избраны главный организатор — апостол — и несколько его помощников. Стоян Заимов стал апостолом Врачанского округа.

В декабре 1875 г. Гюргевский комитет закончил свою работу, и в начале 1876 г. большинство апостолов и их помощников разъехалось по местам назначения. В качестве представителей комитета в Гюргево остались И. Хаджидимитров, Д. Горон и другие.

Тырновский округ во главе с апостолом С. Стамболовым должен был играть роль руководящего центра восстания в Болгарии. Но фактически он не выполнил этой своей задачи.

¹⁵ См. «Работническо дело», 3 мая 1956 года.

¹⁶ «Говори радиостанция Христо Ботев». Т. 2, стр. 403—404.

Между апостолами четырех революционных округов отсутствовала тесная связь. Руководство Пловдивского (Панагюрского) округа во главе с Г. Бенковским и П. Воловым провело большую подготовительную работу. Поэтому этот округ стал инициатором событий. 20 апреля 1876 г. здесь началось восстание, достигшее в ряде районов значительного размаха.

В Тырновском округе восстание началось 28 апреля, но приняло крупные размеры лишь в нескольких местах. В большинстве районов действовали лишь небольшие отряды. В Сливенском районе восстание не развернулось. Там был образован только один отряд из 60 человек.

Во Врачанском округе С. Заимов попытался поднять восстание. Здесь выступило несколько сотен человек, но по ряду причин они не смогли активно бороться с врагом (на этом вопросе мы остановимся подробнее в дальнейшем).

Незначительный размах Апрельского восстания объясняется прежде всего недостаточной и слишком поспешной подготовительной работой и предательским поведением крупной буржуазии, занимавшей реакционные позиции.

Главный организатор Врачанского округа Стоян Заимов приложил немало сил, чтобы подготовить восстание. Но он столкнулся с множеством препятствий, чинимых реакционными элементами¹⁷. О трудностях в канун восстания сам Заимов писал: «Интриги между заговорщиками — врачанцами — по поводу оружия¹⁸ разыгрались настолько, что Заимов¹⁹ был вынужден заявить перед началом заседания комиссии²⁰, что он оставит Врацу, если не будут прекращены интриги, а затем объявил, что подождет город с четырех сторон»²¹.

Отсутствие возможности доставить из Румынии оружие, купленное на деньги Врачанского комитета, явилось большим препятствием для подготовки восстания. В то время, когда чета Ботева переходила Дунай и когда по плану Заимова следовало начать восстание, в город вступила турецкая воинская часть. Солдаты и офицеры рассказали, что восстание во Фракии подавлено, что Фазл-паша разрушил Дрянновский монастырь, где собрались восставшие из Белой Церкви и других мест во главе со священником Харитоном, Бачо Киро и другими, что подобная же участь постигла чету Цанко Дюстабанова и т. д. Поскольку к моменту подавления восстания во Фракии и Северной Болгарии прошло более 10 дней, то сведения об этом уже проникли во все области страны, в том числе и во Врацу. Вот почему народ не имел оснований не верить словам турецких солдат и офицеров. Все это оказало крайне отрицательное воздействие на революционеров; многие из них пали духом.

Как отмечал в одной своей статье Д. Райков, изучавший биографию Заимова, врачанцы были обескуражены тем, что закупленное в Румынии оружие не прибыло. «Это одна из причин, — писал он, — вследствие которой врачанцы не начали восстания, когда Ботев перешел Дунай». С другой стороны, этот же автор указывал, что известия о подавлении восстания в Панагюрском и Тырновском округах отрицательно сказались на настроении революционеров во Враце²². Необходимо отметить следующее: вопреки крайне неблагоприятным обстоятельствам Заимов считал, что восстание все же следует начать²³. Остановимся подробнее на этом вопросе.

¹⁷ См. Хр. Гандев. Указ. соч., стр. 92—93.

¹⁸ Речь идет об изыскании средств для приобретения оружия в Румынии.

¹⁹ Стоян Заимов пишет о себе в третьем лице.

²⁰ Речь идет о Врачанском комитете.

²¹ С. Заимов. Христо Ботев. Опыт за биография от Захари Стоянов. «Сборник за народни умотворения, наука и книжнина». Кн. I. 1889, стр. 247.

²² Д. Райков. Стоян Заимов. «Читалище», 1944—1945, № 3—4, стр. 34—36.

²³ М. Анков. Спомени за размирните години (1872—1878 гг.). София. 1936, стр. 42.

Еще в ходе вооруженной борьбы в Панагюриште Бенковский послал Заимову во Врацу людей с воззванием о восстании. Одним из посланных был Филипп Бояджиев. Но курьеры были пойманы и позднее заключены в Диарбекир, где рассказали о случившемся Николе Обретенову. Последний в своих «Воспоминаниях» сообщает, что они натолкнулись на башибузуков в Балкане. Турки обыскали их и, не найдя ничего, отпустили. Но одному башибузуку понравилась палка Филиппа Бояджиева, он вернулся, взял ее и ударил Бояджиева по спине. Палка сломалась; из нее выпало воззвание. Башибузуки взяли воззвание и отвели обоих болгар в Пловдивскую тюрьму. Так до Заимова не дошло сообщение о том, что восстание в Панагюриште началось значительно раньше назначенного времени²⁴. Он узнал об этом 26 апреля.

По мнению Заимова, одним из важнейших вопросов восстания был вопрос об оружии. Он писал революционным деятелям в Румынии: «Братья в Румынии! Новость велика. Большой важности! Бунт полыхает в Панагюриште... Не остается ничего другого, как подняться и нам. Братья! Быстро посылайте товары!.. Людей без оружия не посылайте, такие храбрецы встречаются в народе»²⁵. Отсюда видно, что главный организатор Врачанского округа не проявил никакого колебания относительно того, начинать восстание или нет. Но он полагал, что нужно приобрести хотя бы минимальное количество оружия, прежде чем вступить в борьбу. С этой целью Врачанский комитет послал довольно большие суммы денег в Румынию.

С другой стороны, преждевременное начало восстания в Панагюрском округе не могло не отразиться отрицательно на остальных округах. При этом не следует упускать из виду и того обстоятельства, что дата начала восстания не была уточнена. По свидетельству Н. Обретенова, гюргевские руководители колебались в выборе числа между 1 и 11 мая (праздник славянских первоучителей Кирилла и Мефодия)²⁶. С. Заимов вел подготовку с таким расчетом, что восстание начнется 11 мая. В одном из своих распоряжений деятелям комитета во Враце он писал: «Братья солдаты!.. На бунт все выступайте, если не выступите, будете наказаны по закону, и город тогда будет подожжен... 11 мая никто не должен приступать дома к работе, иначе будет наказан»²⁷. В письме руководителям Тырновского революционного округа Заимов также указал на 11 мая как на день начала вооруженной борьбы и заявил, что этот день будет отмечен «грохотом ружей» и «народными знаменами»²⁸.

Из этих слов видно, что врачанцы готовились поднять восстание 11 мая. Кроме того, как мы увидим ниже, начало восстания во Врачанском округе было поставлено в зависимость от продвижения четы Ботева.

Но посмотрим, что сообщают современники тех событий в своих воспоминаниях. Особенно важны воспоминания Мито Анкова, заместителя председателя Революционного комитета во Враце. По его сведениям, Стоян Заимов по прибытии в город встал во главе комитета и в сопровождении Григора Караиванова отправился по селам готовить восстание. В течение двух месяцев в округе уже имелось «600 заговорщиков», то есть организованных революционеров²⁹. Чтобы достать деньги на оружие, комитет решил через Мито Цветкова купить несколько тысяч килограммов сала и вяленого мяса в кредит. Продукты были куплены у турка Хаджи Арая (около 5 тыс. кг) и у Андро Муджата

²⁴ Н. Обретенов. Спомени за българските въстания, стр. 264.

²⁵ Там же, стр. 266—267.

²⁶ Там же, стр. 242; см. также Д. Т. Страшимиров. История на Априлското въстание. Т. I. Пловдив, 1907, стр. 245.

²⁷ «Априлското въстание 1876 г.». Т. I, стр. 253.

²⁸ Там же, стр. 262.

²⁹ М. Анков, Указ. соч., стр. 22—23.

(около 3 500 кг). Кредит был взят на шесть месяцев, то есть с расчетом «расплатиться после восстания»³⁰. Действительно, М. Цветков вместе с Иваницей Данчевым продал товары в Румынии и купил бельгийские винтовки и револьверы. Он искал еще денег, чтобы собрать более крупную сумму и купить по крайней мере 500 винтовок, столько же револьверов и необходимое количество патронов (около ста тысяч)³¹. Но переправить оружие в Болгарию оказалось невозможным, и оно было передано чете Ботева³².

Это обстоятельство встревожило руководителей Врачанского комитета, считавших, что без оружия нельзя начинать восстание. Они послали в Румынию двух членов комитета, в задачу которых входило настоять на том, чтобы «переброска повстанческого отряда Христо Ботева была отложена», закупить оружие в Крайове и направить его во Врацу³³. Из этих сведений М. Анкова, подтверждаемых воспоминаниями Кирилла Ботева³⁴ (брата Христо Ботева), видно, какое большое значение придавал Врачанский комитет вооружению людей, готовившихся подняться на борьбу против порабитителей.

Необходимо иметь в виду и следующее обстоятельство: когда отряд Ботева переходил Дунай и направлялся к Врачанскому Балкану, Стоян Заимов решил, что восстание необходимо начать, несмотря на то, что ожидаемое оружие еще не прибыло. М. Анков указывал: «17 мая мы узнали от турецких офицеров, что русские (чета Ботева.— *И. М.*) перешли Дунай, и они (турки.— *И. М.*) спрашивали нас, далеко ли находится село Козлодуй. Им было приказано направиться туда»³⁵.

Комитет имел намерение обезоружить пришедших во Врацу турецких солдат (200 человек) и таким путем получить оружие. Уход турок для преследования четы Ботева сорвал этот план. Но, с другой стороны, теперь облегчалось взятие города. Вот почему было решено, что революционеры из Врацы и сел Долна и Горна Кремена образуют две четы, которые с 18 на 19 мая соберутся в городе. В других селах также должно было начаться восстание. Одна чета, во главе с Заимовым, имела задание подойти к церкви «Вознесение»; другой предстояло собраться в доме Ивана Василева и затем также направиться к церкви. По мере приближения четы Ботева повстанцам из Врацы и сел надо было продвигаться к горе Веселец, чтобы соединиться для совместных действий³⁶.

Таким образом, Врачанский комитет во главе со Стояном Заимовым имел определенный план действий. Правда, он не был хорошо и до конца продуман. Так, план не предусматривал взятие управления в городе; намечалось лишь образование отрядов, которые должны были выйти из города и совместно с четниками Ботева и сельскими повстанцами действовать в окрестностях. Важно отметить, что было принято решение развернуть вооруженную борьбу. В Тырновском и Сливенском округах также была одобрена четническая тактика.

М. Анков пишет: «Мито Ангелаков и Кото Ценов, как и другие посланцы, отправились (по селам.— *И. М.*) 18 мая, и городские четы начали вооружаться и сходитьсь на определенные сборные пункты. Турки как будто знали, что происходит: все они попрятались в своих домах; на улицах не было видно никого из них. Зато наши вооруженные парни уже свободно ходили по улицам». Фактически это были первые проявления вооруженной борьбы. О поведении Стояна Заимова в этот напря-

³⁰ Там же, стр. 24; Д. Т. Страшимиров. Указ. соч. Т. 2, стр. 57—58.

³¹ М. Анков. Указ. соч., стр. 26: «Априлското въстание 1876 г.». Т. 1, стр. 227.

³² См. И. Данчев. Черти от живота на Хр. Ботев и поборническата му дейност. Варна. 1904, стр. 51.

³³ М. Анков. Указ. соч., стр. 41.

³⁴ См. Ал. Бурмов. Хр. Ботев през погледа на съвременниците си. София. 1945, стр. 114.

³⁵ М. Анков. Указ. соч., стр. 41.

³⁶ Там же, стр. 41—42.

женный момент М. Анков сообщал: «Около 2 часов (18 мая.— И. М.) к церкви подходил и Заимов с людьми, собравшимися вокруг него, и по пути они выстрелили из револьверов, давая знак, что восстание уже провозглашено. На их выстрелы ответили и мы. Вскоре к нам пришли Заимов с развернутым знаменем и его товарищи. По пути они еще подошли дом Тодорина Ванова и дукач Иванчо Николчева Хаджи Манчова»³⁷. Заимов подошел к церкви «Вознесение», как было условлено раньше, с твердым убеждением, что восстание начнется немедленно. Из вышеприведенного документа следует, что Стоян Заимов поднимал народ на вооруженную борьбу, действуя смело, а отнюдь не трусливо.

Однако обстоятельства были крайне неблагоприятными. То, что рассказал Д. Райков в упомянутой статье, совершенно верно. Разгром восстания в Панагюрском и Тырновском округах оказал свое пагубное воздействие на движение в целом³⁸. Как известно, Стефан Стамболов в районе Горной Ореховицы и деятели Сливенского округа также не сумели поднять восстания.

Трудности, стоявшие перед С. Заимовым и его товарищами, возросли 19 мая. В этот день к двум часам дня стало известно, что в город идут турецкие войска (регулярные и нерегулярные). Это привело к крайне печальным последствиям. Пока руководители совещались, подавляющая часть четников разошлась. Для руководителей не оставалось иного выхода, как разойтись самим. Последними ушли М. Анков и священник Коста Буюклийский. Анков успел добраться до своего дома, а священник был зарублен на улице. Были убиты и другие болгары — всего 33 человека³⁹.

Повстанцы из сел Долна и Горна Кремена, Бозенец и Влашко «вооруженные и с развернутыми знаменами двигались к Враце». Встретившийся им кременчанин сообщил, что в городе многочисленные турецкие войска, что там началась резня. Они решили вернуться домой⁴⁰.

В тот момент, когда Ботев ожидал известия от Врачанского комитета о предстоящих совместных действиях, повстанцы уже разошлись. Так восстание во Врачанском округе было сорвано. Но вина за это ни в коем случае не может падать на Заимова. Как мы видели, он стремился поднять восстание и даже угрожал колебавшимся поджогом города.

В свете приведенных фактов нам представляется неверным утверждение о том, что «трусливое, предательское поведение» Заимова якобы отрицательно повлияло на ход событий, «особенно на успех восстания во Враце»⁴¹. Стоян Заимов как апостол этого округа делал все для начала восстания; он даже угрожал тем, кто колебался, наказаниями. Он призвал народ к борьбе, и в городе собрались две большие четы. И если восстание не развернулось, то причиной тому, как мы видели, были исключительно тяжелые обстоятельства. В Сливенском революционном округе восстание также не вспыхнуло; здесь была образована одна чета в количестве 60 человек. Но, как известно, никто не обвинял ни в предательстве, ни в трусости апостола Сливенского округа Иллариона Драгостинова.

М. Анков сообщил также, что 20 мая был арестован первенец Димитр Бошнаков «как паша бунтовщиков», хотя он «и понятия не имел о работе комитета»⁴². Произведены были, разумеется, и аресты революционеров, только в городе было задержано 150 человек. Среди них находился и М. Анков⁴³.

³⁷ Там же, стр. 42.

³⁸ Д. Райков. Указ. соч., стр. 36.

³⁹ М. Анков. Указ. соч., стр. 46—47; сборник «Христо Ботев», стр. 709.

⁴⁰ М. Анков. Указ. соч., стр. 46—47.

⁴¹ В. Д. Конобеев. Указ. соч., стр. 314.

⁴² М. Анков. Указ. соч., стр. 48. Первенец — название знатного лица в городе.

⁴³ Там же, стр. 51—52.

Необходимо остановиться подробнее на этих фактах; из них станет ясно, что Стоян Заимов не виноват в арестах во Враце.

20 мая 1876 г. из Видина запрашивали телеграфом околийское управление во Враце, арестован ли Димитр Бошнаков. О Бошнакове говорил арестованный революционер из отряда Ботева Иван Стойков. 2 мая при допросе во Враце И. Стойков, между прочим, заявил: «Говорилось, что во Враце находился наш паша — Димитр Бошнаков и что он был самым важным»⁴⁴. Естественно предположить, что Стойков еще при его поимке назвал имя Бошнакова и последний был арестован. В турецких документах имеется и часть протокола о допросе Бошнакова. Он говорил, что не замешан в дела комитета, что арестован без основания. Следовательно, однако, утверждал, что Бошнаков являлся даже более важным командиром, чем Ботев⁴⁵.

Все повстанцы хорошо знали, что во главе комитета во Враце стоял Заимов. Когда повстанческий отряд достиг Врачанского Балкана, они ожидали, что Заимов с повстанцами присоединится к ним, но этого не произошло по причинам, которые указывались выше. Однако Стойков говорил не о Заимове, а о Димитре Бошнакове как «паше комит». Несомненно, этот повстанец знал, что Бошнаков — чорбаджия, богатый человек, и нарочно указал на него. Отсюда мы можем сделать вывод, что между повстанцами было принято решение называть вожаками богатых людей с тем, чтобы удержать турецкие власти от беспощадной расправы над повстанцами. Ясно, что Стойков не говорил правды. Так, на вопрос, откуда родом Христо Ботев, он ответил, что тот родился в городе Сливен. Между тем все повстанцы прекрасно знали, что Ботев родился в Калофере. Ложными оказались также сведения и о том, что из Сливена было еще 20 повстанцев.

С другой стороны, очень вероятно, что Бошнаков сообщил следственным органам имена настоящих вожаков революционного движения во Враце.

22 мая околийское управление Врацы телеграфировало в Видин о том, что войсковой начальник полковник Хасан Хаири произвел аресты и обыски в городе и обнаружил оружие и другие вещи повстанцев. В телеграмме также сообщалось об одном арестованном из Севлиево, который заявил, что его укрывали чорбаджии — городские богачи⁴⁶. Это еще раз подтверждает наше предположение о том, что революционеры придерживались тактики указывать на богатых болгар как на бунтовщиков.

Очевидно, что турецкие власти во Враце, возглавляемые полковником Хасаном Хаири, уже знали о подготовлявшемся здесь восстании и существовании Революционного комитета во главе с Заимовым.

25 мая утром был арестован заместитель председателя комитета Мито Анков. Он заявил, что ждал ареста, но не захотел скрываться. Знаком ли он с Заимовым — вот первый вопрос, который был ему задан⁴⁷.

С. Заимова арестовали в тот же день. Полковник Х. Хаири телеграфировал в Видин своему дивизионному командиру, что Заимов пойман в виноградниках около Врацы. Далее сообщались сведения, полученные от Заимова: «...он послан из Бухареста организовать восстание; он главный апостол». Во Враце он работал вместе с Димитром Бошнаковым, Иванчо Печеняковым и Иванчо Дылгия (Николаковым). Эти лица были видными чорбаджиями — богачами⁴⁸.

⁴⁴ «Априлското въстание 1876 г.». Т. III, стр. 216.

⁴⁵ Там же, стр. 225.

⁴⁶ Там же, стр. 227.

⁴⁷ М. Анков. Указ. соч., стр. 51—52.

⁴⁸ «Априлското въстание 1876 г.». Т. III., стр. 233.

Заимов заявил, что он был послан Бухарестским комитетом. А в действительности он был послан Гюргевским комитетом. Уже из первого показания Заимова видно, что он применил тактику обвинения лиц, чуждых революционному движению, как, например, отдельных богачей, которые не столько принимали участие в освободительном движении, сколько тормозили его развитие своей соглашательской тактикой уступок и компромиссов с турецкими властями. Подобная политика имела своей целью использовать революционно-освободительное движение в узких, корыстных интересах имущих классов; определялась она также и боязнью широкого народно-освободительного движения. Конечно, такого рода временным попутчикам революционной борьбы ничего серьезного не угрожало при арестах. Но зато следствия и допросы по делам богачей, по сути дела, вводили турецкие власти в сторону от действительных участников движения. К тому же такая тактика до некоторой степени пугала турецкое правительство, которое опасалось, что на борьбу за освобождение поднимутся не отдельные слои населения, а вся Болгария.

Таким образом, Заимов рассказывал о лицах, собственно, не опасных для турецкого правительства, и в то же время не говорил о настоящих революционерах. Заимов сообщил лишь то, что турецкие власти уже знали. Например, он сообщил, что в Орхание (Ботевграде) работал Никола Славков. Последний был арестован турецкими властями еще в феврале 1876 года. В одном донесении областного управления города Русе Высокой Порте в Стамбуле сообщалось, что Славков признался в намерении поднять болгар на вооруженное восстание, за что был осужден судом на вечное заточение⁴⁹. Заимову это не могло быть неизвестным, так как Н. Славков был одним из его помощников, и он говорил полиции лишь о том, что она уже знала.

Турецкие власти уже располагали сведениями о движении и его главных участниках через широко разветвленную агентуру в районе восстания, в частности из показаний Мито Цветкова, сообщившего фамилии 11 врачанских революционных деятелей, а также 5 революционных деятелей г. Берковицы⁵⁰.

Заимов был арестован после поражения повстанческого отряда Христо Ботева. Ряд участников этого отряда был арестован раньше Заимова. На допросах Заимов придерживался выработанной революционерами линии — называть фамилии чорбаджиев и оправдывать революционеров.

Во время предварительного заключения Заимову отвели отдельную комнату, он получал хорошее питание, что вызвало известные подозрения у его товарищей⁵¹. Однако известно, что турецких чиновников легко было подкупить. Этим и объясняется то, что Заимов находился в более благоприятных условиях. На имевшиеся деньги он, вероятно, подкупил турецкую полицию. М. Анков сообщал, что Заимов передавал деньги арестованным революционерам. Сам Заимов рассказывал, как во время первого ареста (1873 г.) его мать подкупила мешочком золота турецких судей, и это спасло его от смертного приговора: он был отправлен на пожизненное заточение в Диарбекирскую тюрьму.

Товарищи Стояна Заимова справедливо были убеждены в том, что он всячески старался выгородить революционеров и облегчить их положение. М. Анков писал: «Заимов не говорил много, но сказал только, что работал с первенцами И. Николаковым, И. Печеняковым, Бошнаковым и другими; сказал он и о том, что мой брат был кассиром комитета, а о тех лицах, с которыми он действительно работал, сказал, что не знает их»⁵².

⁴⁹ Там же, стр. 232.

⁵⁰ Там же, стр. 235.

⁵¹ М. Анков. Указ. соч., стр. 53—54.

⁵² Там же, стр. 70—71.

В Видинской тюрьме (куда были отвезены врачанские деятели) Заимов в уборной передал арестованному Тодорину записку. «В ней,— указывал Анков,— Заимов изложил все свои показания во Враце и в Видине. Мы поняли, что он говорил туркам, будто он работал совсем с другими людьми и в совсем иной форме»⁵³. В Русенской тюрьме, куда перевели арестованных, Заимов предупредил своих товарищей, чтобы они «отрицали все и не узнавали его». заключенные устроили встречу (также в уборной) и договорились, какие давать показания. Когда следователи спрашивали Заимова, знал ли он Мито Анкова, то Заимов отвечал, что кое-что о нем слышал, но лично не знал и в дело он не посвящен⁵⁴.

Нет нужды подчеркивать, что этот ответ являлся ответом человека, который стремился в сложной обстановке найти выход и спасти своих соратников. При очной ставке с чорбаджием Иванчо Николаковым, непосредственно не замешанным в революционных делах, Заимов заявил, «что очень хорошо знает его», что Николаков — «первый, с кем он работал во Враце»⁵⁵. Этот факт дополнительно характеризует тактику Заимова.

О стремлении Стояна Заимова переложить вину на чорбаджиев, которые, в сущности, не принимали участия в работе комитета, стало известно и в Румынии. 13 июня Димо Стателов писал из Гюргева Тодору Пейову в Браил, что «во Враце все чорбаджии арестованы»⁵⁶.

В условиях ареста сотен людей было очень трудно сохранить полную тайну относительно работы комитета. Конечно, Стоян Заимов, которому шел 23-й год, мог допустить на допросах отдельные тактические промахи, но они не дают оснований говорить о его измене. Ведь не случайно его тактика дала положительные результаты. Почти все товарищи Заимова после ряда допросов были освобождены.

Наконец, остановимся на важнейшем документе, в котором прямо говорится о «предательстве» Заимова. Это — телеграфное донесение Видинского окружного управителя губернатору вилайета в Русе. Оно гласит: «Некий Заимов, на которого было возложено со стороны революционного комитета в Бухаресте поднять восстание против Османской державы в Оряховской, Врачанской, Берковской, Ломской и Орханийской околиях, а также доставить военные материалы, пойман во Враце и переправлен в Видин. Так как он, понятно, располагает полными сведениями относительно беспорядков, то ему были даны обещания и уверения, что он избежит смертной казни и может быть назначен на какую-либо государственную службу. И действительно, сведения, которые он сообщил при допросе, а именно, что они (повстанцы.— *И. М.*) опирались даже на русский и австрийский кабинеты, оказались весьма полными и подробными. Имея сказать еще кое-что, он попросил послать его в Стамбул, чтобы он сделал это в столице. Разумеется, если к упомянутому Заимову будет проявлена благосклонность и его также уверят, что он избежит смертной казни, то он сообщит еще многое. Если будет нужно направить в Русу вышеупомянутого вместе с полученными от него сведениями, то мы ожидаем необходимого распоряжения»⁵⁷.

Стоян Заимов, убежавший из Диарбекира и ставший затем главным организатором восстания во Врачанском округе, не мог строить никаких иллюзий относительно ожидавшей его участи. Кроме того, если бы он действительно хотел дать сведения следственным и судебным властям, то говорил бы только правду, а не указывал на чорбаджиев как на руководителей революционного движения. То, что Заимов доби-

⁵³ Там же, стр. 75.

⁵⁴ См. там же, стр. 78.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ «Априлското въстание». Т. II. София. 1955, стр. 32.

⁵⁷ Сборник «Христо Ботев», стр. 741.

вался отправки его в Русу для дачи показаний чиновникам вилайета и даже в Стамбул для представления визирю своего меморандума, опять-таки являлось, по нашему мнению, тактическим ходом. Он хотел прежде всего выиграть время и показать, что деятельность комитета имеет важное значение: если судьба болгарского народа не будет облегчена, последуют новые восстания. Заимов утверждал также, будто за Болгарским революционным Центральным комитетом стояли Россия и Австро-Венгрия. Окружной правитель полагал, что показания Заимова уличали Россию и Австро-Венгрию в поддержке ими революционного движения. Это свидетельствует лишь об одном: Заимов действительно сумел запутать следственные органы. Но напрасно окружной правитель надеялся, что Стоян Заимов, если ему будет обещано помилование, даст подробные и точные сведения. Заимов измышлял фантастические данные, указывая, например, на видинского владыку как на руководителя комитета города.

Но особенно важны сами показания Стояна Заимова следственным властям в Видине и Русе, которые давно переведены и стали достоянием исторической науки. Впервые они были опубликованы отдельной брошюрой в издании газеты «Изгрев» в 1900 году⁵⁸. В 1914 г. турколог Д. Г. Гаджанов сделал новый перевод показаний⁵⁹. Из этих данных видно, что Заимов скрывал правду от турецкого суда. Так, он сказал, что поссорился с деятелями Бухарестского Центрального комитета, якобы помешавшими ему издать книгу «В загробной жизни»⁶⁰. Он говорил, что в 1875 г. вел во Враце работу по подготовке восстания, хотя в то время находился в Стамбуле в связи с намечавшимся поджогом города. Заимов ни слова не проронил на следствии по столь важному вопросу. Получив известие о том, что восстание в Старой Загоре потерпело поражение, «поджигатели» покинули турецкую столицу. По возвращении из Румынии Заимов нелегально посетил Врацу, чтобы проверить, готов ли народ к восстанию в следующем, 1876 году. Решив, что обстановка благоприятная, он вернулся в Румынию и доложил об этом революционерам. А следственным органам Заимов сказал, что ездил во Врацу с целью подготовки восстания, которое намечалось на 30 сентября 1875 г., но этого-де не случилось из-за раннего наступления зимы⁶¹. Ясно, что это не предательское показание. Предатели обыкновенно делают полные признания и слезливо умоляют пощадить им жизнь. Не так вел себя Стоян Заимов.

Известно, что революционеры во Врачанском округе более всего страдали от недостатка средств и оружия. А Заимов заявлял, что «и деньги были собраны и винтовки приобретены», что оружие будто бы было куплено через одного австрийского купца в Бухаресте. При этом он сказал, что было приобретено 6 тыс. ружей⁶². Это фантастическая цифра! Очевидно, сообщая вымышленные сведения, Заимов стремился создать у турецких чиновников впечатление, что народ имеет оружие и может снова подняться на борьбу. Он так описывал план восстания: восставшие должны были закрепиться в горах и оттуда направить правительству свои требования. Если бы оно их не приняло, тогда повстанцы открыли бы военные действия⁶³. Заимов явно стремился показать, что народ готов отстаивать свои права.

Если бы Стоян Заимов старался «спасти свою голову», он непременно заявил бы следователям, что восстание во Враце сорвалось бла-

⁵⁸ См. «Стоян Заимов пред турските съдилища». Кюстендил. 1900.

⁵⁹ Д. Г. Гаджанов. Турски източници за новата ни история. Сборник. Кн. III, София. 1914, стр. 42—59.

⁶⁰ Там же, стр. 43. Известно, что Заимов никогда не писал такой книги.

⁶¹ Там же, стр. 44—45; Ал. Бурмов. БРЦК, стр. 147; И. Данчев. Указ. соч., стр. 39.

⁶² Д. Г. Гаджанов. Указ. соч., стр. 45.

⁶³ Там же, стр. 46.

годаря ему. Этим он мог создать благоприятное впечатление о себе у турецких властей. Заимов поступил иначе. На вопрос следователя, исполнил ли он обязанности главного апостола, последовал ответ: «Я исполнял свою должность»⁶⁴. Когда же его спросили, почему все-таки восстание не началось, он не только не подчеркнул своих «заслуг» в этом направлении, но заявил, что врачанцы испугались. Следователь спросил: «Почему испугались?». Заимов отвечал: «Во Врацу пришли войска, они их испугались... 19 мая, в среду, днем и ночью около 600—800 повстанцев только из города Враца, вооруженные и в повстанческой одежде, собрались в старой церкви. В это время перешедшие через Дунай повстанцы (четыре Ботева.— И. М.) бились с войсками в дубовой роще у села Баница. В тот же день, когда они увидели, что из Орханыйского района подошли к Враце 3 роты солдат с барабаном и 20 черкесов, то не осмелились выйти из церкви и пойти на помощь восставшим в Баницкую рощу. Все разошлись по своим домам. Также и я, когда остался один, скрылся в доме»⁶⁵. При этом он отказался сказать, в каком доме скрывался⁶⁶.

Заимов сознательно преувеличил число повстанцев во Враце (600—800 человек), стремясь тем самым подчеркнуть, что народ готов к борьбе и может снова поднять оружие. Следует отметить, что его показания о повстанцах совпадают с воспоминаниями М. Анкова.

Наиболее важная черта тактики Заимова — желание показать властям, что за Болгарским революционным Центральным комитетом стояли иностранные державы. Он знал, что это вызовет определенный страх и замешательство в правящих кругах Турции. Такого рода показаниями он наводил врагов на ложный след. Так, он сообщил, что бывший сербский консул в Бухаресте был «также членом комитета» (БРЦК в Бухаресте); что Стефан Стамболов и Иван Хаджидимитров уведомили сербского князя, будто 18 апреля 1876 г. начнется восстание, и просили его послать боеприпасы и винтовки; что такую же помощь должно было оказать румынское правительство, открыв свои военные склады для болгарских повстанцев, и т. д.⁶⁷. Далее Заимов утверждал, что из Бессарабии, то есть из России, должен был подойти русский полковник с двумя батальонами, что австрийская пароходная компания, посвященная в планы революционеров, намерена была представить в распоряжение повстанцев суда для перевозки людей и оружия через Дунай и т. п. Он указал также, что восстание должно было охватить не только Болгарию, но и Новопазарскую область и Боснию⁶⁸.

Еще более курьезным является заявление Заимова о том, что решение о проведении восстания 18 апреля 1876 г. приняли специальные конференции в Женеве и в Бухаресте, что Румыния, Молдавия, Сербия и Черногория должны были объявить войну Турции, что апостолы будто бы выступили против решения поставить восстание в зависимость от названных государств. Во всяком случае, заявил Заимов, после нанесения поражения Турции балканские государства должны были образовать союз⁶⁹. Как известно, подобных конференций никогда не было; никогда не принималось и решение о начале восстания 18 апреля.

Заимов утверждал, что председателем Болгарского революционного Центрального комитета в Бухаресте являлся известный капиталист Евлогий Георгиев, который был «маршалом» повстанцев. Кроме того, говорил он, имелось 5 комитетов: в Женеве, Праге, Белграде, Бухаресте и Одессе; особое значение имел «Женевский центр», председателем ко-

⁶⁴ Там же, стр. 43.

⁶⁵ Там же, стр. 48.

⁶⁶ Там же, стр. 47.

⁶⁷ Там же, стр. 46.

⁶⁸ Там же, стр. 52.

⁶⁹ Там же, стр. 53.

того был чех д-р Палацкий; важную роль в нем якобы играли также проф. Марин Дринов, один хорватский владыка и др.⁷⁰, но решения Женевского комитета должны были быть одобрены Петербургом и Веной, то есть русским и австрийским правительствами⁷¹. Следовательно, очевидно, поверил этим вымыслам и подробно расспрашивал подсудимого о функциях руководителей революционных центров в Европе, об отношениях иностранных правительств к комитетам и т. п.

Фантастическими являются и показания Заимова о том, что во главе комитета в Видине стоял владыка. Он заявил: «Сказать по правде, эти деньги (предназначенные для оружия.— *И. М.*) собирались владыкой и болгарскими «первенцами», а хранились в народной кассе, поскольку болгарские крестьяне не просто так давали деньги для кого-то»⁷².

Турецкие власти боялись Заимова, видя в нем серьезного противника. Не случайно все его арестованные соратники были освобождены, а он приговорен к смерти.

В связи с этим следует остановиться на приведенной в начале статьи оценке поведения Стояна Заимова перед следственными властями, данной туркологом Д. Г. Гаджановым, который имел возможность подробно ознакомиться с делом. Гаджанов писал, что Заимов изложил всю организацию комитетов с указанием имен и мест и только отказался сказать, в каком доме прятался.

В свете приведенных фактов эта оценка представляется неверной. Как мы видели из воспоминаний Анкова, Заимов и тут продумал свои показания и уточнил их с другими подсудимыми. Документы, опубликованные Д. Г. Гаджановым, также говорят о том, что Заимов умышленно преувеличивал значение отдельных фактов болгарского революционного движения. Гаджанов обратил внимание на эту особенность показаний Заимова и других революционеров. Он писал: «Общая тенденция тогда была произвести побольше шума, чтобы привлечь внимание Европы и вызвать вмешательство с целью облегчения положения болгар. Такую политическую подкладку, видимо, имеют и вышеупомянутые показания, тем более, что правительство уже все знало»⁷³. Таким образом, Ст. Заимов придерживался указанной выше тактики не для того, чтобы облегчить свое положение. Важно отметить такой факт: когда Асим-паша сказал, что Заимову облегчат положение, если он даст обещание не заниматься больше революционной деятельностью, тот ответил, что не может этого сделать⁷⁴.

Комментируя донесения турецких властей, Б. Недков утверждал, что Заимов будто бы выдал товарищей, желая облегчить свою участь⁷⁵. Позднее в сборник турецких документов об Апрельском восстании Б. Недков, составитель этого сборника, включил ряд других документов по делу С. Заимова. Однако на этот раз он уже не сделал подобного вывода, видимо, отказавшись от своего первоначального мнения⁷⁶. Но независимо от этого его точка зрения, изложенная в сборнике «Христо Ботев», совершенно беспочвенна. Б. Недков не разглядел общей тенденции в показаниях Заимова. Он упустил из виду также то, что Стояну Заимову был вынесен смертный приговор за революционную деятельность. Этот факт сам по себе свидетельствует о том, что поведение Заимова на суде не было предательским.

В свете приведенных фактов становится очевидной необоснован-

⁷⁰ Там же, стр. 54, 56.

⁷¹ Там же, стр. 57.

⁷² Там же, стр. 54.

⁷³ Там же, стр. 8.

⁷⁴ «Юбилеен сборник Копривщица». Т. I. София. 1926, стр. 174.

⁷⁵ Сборник «Христо Ботев», стр. 741.

⁷⁶ «Априлското въстание 1876 г.». Т. III, стр. 286.

ность обвинений Заимова в том, что он раскаялся в своей деятельности. Мы уже цитировали ряд документов, из которых явствует, что он сохранил свое достоинство революционера. Заимов заявил, что он являлся главным апостолом, «исполнял свою должность», и принял на себя всю ответственность. Он говорил, что и в будущем продолжал бы заниматься революционной деятельностью. Какой же документ подтверждает то, что Заимов раскаивался? Нет такого документа!

Совершенно неправильным является вывод В. Д. Конобеева о том, что Заимов выдал своих товарищей, так как турецкие чиновники в награду обещали сохранить ему жизнь, назначить на государственную службу⁷⁷. Документ, на котором основывается В. Д. Конобеев, действительно говорит о таком предложении, но отнюдь не утверждает, что Заимов его принял и потому давал верные показания. Напротив, этот документ весьма убедительно свидетельствует о том, что Заимов своими показаниями ввел турецкие власти в заблуждение. Ясно, что Заимов продолжал запутывать суд утверждениями о том, что Россия и Австрия поддерживают восстание, и намеками на то, что он сможет сообщить дополнительные сведения лишь в Стамбуле. Из этого документа нельзя сделать вывода, что Заимов стремился спасти свою жизнь. Он явно боролся за то, чтобы о делах восстания, вспыхнувшего накануне русско-турецкой войны 1877—1878 гг., стало бы как можно шире известно и в России и в Европе. По его расчетам, это могло бы дать ряд выгод болгарам в их освободительной борьбе. Надеялся он и на то, что оттяжка времени облегчит положение арестованных революционеров. И эти расчеты имели основания. Так, например, только Стоян Заимов был осужден на смерть чрезвычайным военным судом, причем за смертный приговор голосовали 11 судей и судебных заседателей, а за пожизненное заключение — трое. В этот момент было получено сообщение о решении султана помиловать всех осужденных на смерть революционеров и заменить им смертный приговор пожизненным заключением⁷⁸.

Итак, приведенные документы и материалы показывают, что, будучи главным организатором Врачанского революционного округа, Стоян Заимов упорно работал с целью поднять восстание. Находясь в руках у турецких властей, он стремился внушить им, что за Болгарским революционным Центральным комитетом стоят балканские государства: Румыния, Сербия и Черногория, — а также Россия и Австро-Венгрия. Таким путем он хотел облегчить участь подсудимых, а также вызвать сочувствие у европейских народов, и особенно у русского народа, к тяжелой судьбе болгар. Чтобы судебные власти не вынесли строгих приговоров его товарищам, он утверждал, что во главе революционного движения в стране стояли видные богатеи — чорбаджии и владыки. Одновременно Заимов старался преуменьшить роль подлинных руководителей революционного движения.

Остановимся на анализе еще двух документов, относящихся к рассматриваемому нами вопросу. Это донесения русского консула в Русе Кожевникова графу Игнатьеву⁷⁹. На них опирался В. Д. Конобеев, выдвигая свое обвинение в адрес Стояна Заимова.

По своему содержанию эти документы почти ничем не отличаются от судебного дела. В них также говорится, что Видинский владыка помогал Заимову и приказал священникам собирать деньги на восстание. Во Врачанском округе собрали 930 лир, на которые Заимов купил

⁷⁷ В. Д. Конобеев. Указ. соч., стр. 315.

⁷⁸ См. И. Цанов. Из бележките ми. Сп. «Български преглед», 1899, кн. IX—X, стр. 222.

⁷⁹ Оба документа хранятся в Архиве внешней политики России (АВПР), ф. Посольства в Константинополе, 1876 г., д. 2192, лл. 12—18, 264—267 об. В первом документе нумерация листов на верхней стороне нарушена. Следуя общему порядку, листы второго документа следовало бы обозначить с 268 до 271. На нижней части листов имеется другая нумерация — от 12 до 18. Я цитирую по ней.

200 винтовок у одного купца, имени которого он не знал, и отправил их Ботеву⁸⁰. Эти сведения были Заимовым выдуманы, они не имеют ничего общего с действительностью.

Заимов говорил о существовании болгарских революционных комитетов в Женеве, Белграде, Праге, Одессе и Бухаресте. Другие сведения он отказался дать, поскольку, как он объяснил, болгарский комитет в Женеве находился в тайных связях со Стамбулом, а также с Петербургом. Связь же между Женевским комитетом и Петербургом, заявил Заимов, поддерживалась через Марину Дринова, «которому и было все известно»⁸¹. Из показаний Заимова, принимавших иногда фантастические формы, следовало, что якобы вся Европа стояла за болгарским народом, но его освободительным движением особенно интересовался Петербург через своего тайного агента М. Дринова. По «признанию» Заимова, даже в Стамбуле имелись люди, якобы замешанные в деле. Иначе говоря, Заимов намекал, что среди турецких чиновников были такие, которые знали о деятельности Болгарского революционного комитета.

Как известно, М. Дринов был профессором в Харьковском университете и никогда не имел ничего общего с Болгарским революционным Центральным комитетом в Бухаресте. Стремясь еще более сгустить краски, Заимов сообщил следственной комиссии, что сербский агент в Бухаресте обещал повстанцам Северной Болгарии, если они соединятся с восставшими в Южной Болгарии, помощь от России в виде трех батальонов⁸². Следует отметить, что Заимов умело вводил в заблуждение следователей. Россия обещала помощь, но... устами сербского агента! Поди разберись, где правда!

Несомненно, Заимов был хорошим психологом и понимал, что турецкие чиновники могли отнестись доверчиво к слухам о стремлении иностранных государств поднять болгар на восстание, а также поверить тому, что за простым народом, поднявшимся с оружием в руках, стояли высокопоставленные лица — владыки, чорбаджии и другие. Разумеется, ни владыки, ни чорбаджии никогда не имели ничего общего с революционным движением. Однако подобные представления разделялись некоторыми турецкими чиновниками. Отсюда становится понятной подоплека заявления Заимова: знай-де он, что «комитаджии» окажутся такими «ничтожными людьми», он ушел бы куда-нибудь, чтобы жить спокойно⁸³. Не может быть никакого сомнения, что Заимов не имел при этом в виду своих товарищей, положение которых он, как мы видели, всячески стремился облегчить, принимая на себя главную вину. Он говорил о чорбаджиях типа И. Николакьова, которые плакали на суде, доказывая необоснованность привлечения их к ответственности.

Тот же документ утверждает следующее: Заимов заявил, что, когда он был захвачен, он передал полковнику Хасану Хаири готовый список вражеских революционеров⁸⁴. Возникает вопрос, действительно ли Заимов, еще находясь на нелегальном положении, составил список революционеров, который и передал впоследствии турецким властям. Судя по всему, ничего подобного не было. В противном случае еще в первом донесении дивизионному командиру в Видин Хасан Хаири упомянул бы о том, что Заимов представил список участников восстания. Между тем в донесениях Х. Хаири об этом не говорится⁸⁵.

Ясно, что Заимов говорил о списке с целью запутать следственные власти в Русе. При этом, на мой взгляд, надо иметь в виду, что речь

⁸⁰ Там же, лл. 264—265 об.

⁸¹ Там же, л. 266.

⁸² Там же.

⁸³ Там же, л. 267.

⁸⁴ Там же, л. 285.

⁸⁵ «Априлското въстание 1876 г.». Т. III, стр. 234.

идет о времени, когда следственная комиссия фактически не могла проверить, были ли лица, о которых говорил Заимов, указаны им письменно до ареста или же после него. Кроме того, нигде в других источниках не упоминается о наличии у С. Заимова списка революционеров, якобы заранее подготовленного с целью передачи турецким властям.

Второй документ представляет собой резюме показаний Заимова на турецком суде в Русе и полностью совпадает с протоколами предварительного судебного следствия, которые, как указывалось выше, были переведены на болгарский язык и опубликованы полвека назад. Наиболее важным в них является заявление Заимова о том, что после бегства из Диарбекира он поехал в Бухарест, где встретился с Евлогием Георгиевым⁸⁶, который распорядился включить его в состав Болгарского секретного революционного комитета⁸⁷. В этом опять-таки проявилась гибкая тактика Заимова, имевшего определенную цель. Он хотел показать, что Е. Георгиев принимал участие в болгарском революционном движении, тогда как он был его врагом! Кроме того, Заимов утверждал, что Христо Ботев и Георгий Димитров Измирлиев (Македончето)⁸⁸ в 1875 г. ездили в Стамбул и встречались с русским послом в Турции графом Игнатьевым, что Ботев и он, Заимов, установили связь с русским посольством через болгар Добровича, Каракановского и Христо Карагюзова (Каваз Христо)⁸⁹.

Академик Михаил Димитров, специально занимавшийся вопросом о поездке Ботева в Стамбул в сентябре 1875 г. для ведения переговоров с Игнатьевым, подчеркивает, что сведения об этом сообщил только Стоян Заимов в своих показаниях турецкому суду. М. Димитров считает весьма возможным визит Ботева в Стамбул⁹⁰. Но еще более вероятно другое предположение, что Ботев не встречался с графом Игнатьевым. Приведем следующие факты. Во-первых, если Ботев действительно ездил в Стамбул, то об этом должны были бы знать многие революционеры и прежде всего Иван Драсов, Тодор Пейов, Никола Обретенов и др., тесно связанные с Ботевым. После освобождения Болгарии они написали бы об этом. Между тем в своих воспоминаниях они ни о чем подобном не говорят. Во-вторых, после освобождения Болгарии Стоян Заимов написал бы подробно о поездке Ботева. А он в своих воспоминаниях нигде не упоминает об этом. В-третьих, Стоян Заимов заявил на суде, что, кроме Ботева, с графом Игнатьевым встречался Георгий Измирлиев. Но о том, что Измирлиев в 1875 г. ездил в Стамбул, также нет никаких сведений.

Все это дает основание считать, что и в данном случае мы имеем дело с вымыслом Заимова. Он, очевидно, хотел доказать следующее: раз Христо Ботев встречался в Стамбуле с графом Игнатьевым, то Россия не позволит туркам расправиться с болгарами. Ясно, что в своих показаниях Заимов старался представить ложные сведения, не раскрывать истину. Если бы Заимов дал только верные показания, если бы он «выдал все связи революционного комитета», как утверждает В. Д. Конобеев, то он должен был бы прежде всего рассказать турецкому суду

⁸⁶ В документе вместо «Евлогий Георгиев» написано «Девлей Георгиев».

⁸⁷ АВПР, ф. Посольства в Константинополе, 1876 г., л. 2192, л. 13.

⁸⁸ Один раз сказано Измирлиев, а другой — Димитър (см. там же, л. 14). В следственном деле сказано, что под именем Димитра скрывался Хр. Ботев (см. Д. Г. Гаджанов. Указ. соч., стр. 55).

⁸⁹ АВПР, ф. Посольства в Константинополе, 1876 г., л. 2192, л. 14.

⁹⁰ М. Димитров. Христо Ботев. Биография. София. 1948, стр. 136. Иваница Данчев пишет в своих воспоминаниях, будто бы в июле 1874 г. он вместе с Ботевым посетил Стамбул, где они встретились с болгарскими кустарями и купцами, а также с Экзархом Антимом I и взяли у них деньги для нужд болгарского революционного движения. Но Данчев не упоминает ни о какой встрече с графом Игнатьевым (см. И. Данчев. Указ. соч., стр. 19—27). Бурмов отмечает, что сообщение Данчева неправдоподобно (Ал. Бурмов. Хр. Ботев през погледа на съвременниците си, стр. 359).

о заседаниях и решениях Гюргевского комитета. Заимов же нарисовал перед судом фантастическую картину состояния болгарского революционного движения. Как перед следственными властями, так и перед судом он рассказывал легенду о БРЦК, имевшем будто бы ответвления в Бухаресте, Праге, Женеве, Белграде и Одессе, и заявлял, что во главе Бухарестского комитета стоял Евлогий Георгиев.

Заимов говорил не о Гюргевском комитете, а о конференции в Гюргеве, которая была одной из очередных конференций БРЦК. Он утверждал, что прежде всего состоялась конференция в Женеве, потом в Бухаресте и, наконец, в Гюргеве. Революционных центров на Балканском полуострове, которые должны были начать восстание, насчитывалось якобы десять: Тырново, Сливен, Пловдив, Враца, с. Батак, Ниш, Новый Базар, Дебир, Сараево и Дукакин. После общего восстания, как утверждал Заимов, должны были образоваться самостоятельные государства, которые объединились бы с Сербией, Черногорией и Влахо-Молдавией в конфедерацию во главе с русским князем, а скорее всего — с черноморским князем Николаем. Вместе с тем Заимов говорил о главных апостолах этих революционных центров — Стамболове, воеводе Стоиле, Волове, Заимове, Икономове, Павловиче, братьях Божковичах, Бошнякове, Дебралияте и Перо. Когда следователь спросил Заимова, где он встречался с «этими комендантами», он, не моргнув глазом, ответил: «В Бухаресте, Вене и Женеве»⁹¹.

Таким образом, рассматриваемые документы позволяют, на мой взгляд, еще раз подтвердить тот вывод, что Заимов очень умело запутывал следственные власти, сообщал выдуманные им имена сербских и других «революционеров». Он стремился внушить турецкому правительству, что война с Сербией и Черногорией неминуема.

Зная о кровавой трагедии в селе Батак, где турки совершили чудовищные убийства, Заимов объявил Батак пятым революционным центром (округом). А о Гюргевском комитете, о его многочисленных заседаниях и решениях он не сообщил.

В то время болгарским революционерам очень важно было вызвать возмущение прогрессивного человечества, а турецкому правительству внушить, что соседние государства, а также Россия и Австро-Венгрия защищают болгарский народ. Поэтому Заимов говорил на следствии и суде, что о решениях Гюргевской конференции был уведомлен... сербский король! Он заявил, что болгарские повстанческие отряды и иностранные войска готовились войти в Болгарию в июле — сентябре 1876 года⁹². Другими словами, Заимов пытался обмануть турецкие власти, внушить им, что, мол, только теперь предстоит большое наступление революционных отрядов и войск. И это до известной степени ему удалось.

Сказанное позволяет прийти к выводу, что документы русского консула В. Кожевникова также не дают никаких оснований для обвинения С. Заимова в измене революционному делу.

Подводя итоги, следует сказать, что Стоян Заимов являлся одним из видных деятелей болгарского национального революционного движе-

⁹¹ Д. Г. Гаджанов. Указ. соч., стр. 52—53. Думается, что больше нет необходимости продолжать цитирование, чтобы показать ложность показаний Заимова следственным властям. Приведу только еще несколько вымыслов Заимова во время следствия. Заимов заявил, что он якобы учился в Робертском колледже в Стамбуле; что будто Д. Каравелов в 1876 г. принимал участие в руководстве революционным движением и редактировал газету «Свобода»; будто бы члены Врачанского комитета имели военные чины — майоры, поручики; будто бы один из революционеров приходился племянником Раковскому; якобы Ст. Стамболов встречался с сербским князем, чтобы уведомить его о решениях конференции в Гюргеве, и т. д., и т. д.

⁹² Д. Г. Гаджанов. Указ. соч., стр. 46. Следствие по делу Заимова велось в Видине и Русе с 5 июня по 7 июля 1876 года.

ния. Ошибки, допущенные им в ходе борьбы, нельзя рассматривать как предательство.

После освобождения Болгарии от турецкого ига и создания Болгарского государства в результате победоносной борьбы России в войне 1877—1878 гг. С. Заимов по-прежнему являлся пламенным борцом за дружбу болгарского народа с великим русским народом. После освобождения, особенно после провозглашения воссоединения Болгарии (1885 г.), когда в стране взяли верх русофобы во главе со Стефаном Стамболовым, Захарием Стояновым, Василем Радославовым и др., Заимов твердо и последовательно отстаивал идею союза с русским народом. При провозглашении воссоединения он писал З. Стоянову и Д. Ризову, что только в дружбе с Россией Болгария может рассчитывать на успех. Необходимость в «поддержке деда Ивана (русского народа.— И. М.),— писал Заимов,— представляется мне абсолютной истиной»⁹³.

После избрания Фердинанда болгарским князем антирусская пропаганда в стране, проводимая сторонниками Стамболова, приняла большие размеры. В то время было расстреляно несколько офицеров по обвинению в русофильстве, а Стоян Заимов был арестован. Затем его выслали из Болгарии, и он поселился в России. По возвращении на родину он снова был арестован и временно заключен в Пловдивскую тюрьму. Показателен и такой факт: когда позже Заимову предложили пост министра просвещения и князь Фердинанд подписал указ об этом, он ответил категорическим отказом⁹⁴.

Стоян Заимов клеймил тех, кто становился слугой князя Фердинанда. Так, в своем этюде о «Записках» Захария Стоянова он с горькой иронией писал: «Прошлое гордится неустраслимыми борцами, а сегодняшний день — раболепными чиновниками»⁹⁵. В данном случае Заимов имел в виду людей типа С. Стамболова, З. Стоянова и других ревностных сторонников монархии.

Могут возразить, что Стоян Заимов как представитель русофильской буржуазии стремился, чтобы Болгария проводила внешнюю политику в унисон с внешней политикой царской России. Но он в действительности исходил лишь из национальных интересов Болгарии. В этой связи следует напомнить слова Димитра Благоева, написанные в 1886 г. о З. Стоянове и стамболовцах, которые чернили Россию, а свою родину отдавали в руки западных держав: «Захарий Стоянов называет «предателем» всякого, кто напоминает им (русофобам.— И. М.), что их отношение к России является неразумным и опасным для интересов народа и предательским для самостоятельности болгарского народа... Захарий Стоянов называет «подкупленным звонкой монетой» каждого, кто им напоминает, что если они считают неизбежным иностранное влияние у нас, например, австрийское, то более естественным для нас является русское влияние, чем австрийское»⁹⁶.

Заимов стоял именно на такой позиции: Болгария должна идти вместе с Россией. История доказала, что прогерманская ориентация ряда болгарских буржуазных партий привела нашу страну к двум страшным катастрофам. Вот почему русофильская политика С. Заимова является не минусом, а плюсом для него. Он вел смелую и последовательную борьбу против стамболовцев и вообще против русофобов. Отказавшись от высокого государственного поста, Заимов стал председателем комиссии по созданию памятников и музеев в честь русских воинов. Он отдавал все свои силы укреплению болгаро-русской дружбы.

⁹³ См. С. Каракостов. Указ. соч., стр. 431.

⁹⁴ Данные взяты из Дома-музея имени Стояна и Владимира Заимовых в Плевне; см. также Д. Райков. Указ. соч., стр. 37.

⁹⁵ Стоян Заимов. Миналото, этюди върху «Записките на Захари Стоянов». София. 1895, стр. 5.

⁹⁶ Д. Благоев. Нашите апостоли. София. 1886, стр. 76.

Уместно напомнить об отношении народного поэта Ивана Вазова к деятельности Стояна Заимова по увековечению дела освободителей. Путешествуя по местам, где в 1877 г. разыгрались кровавые бои русской армии против турецких угнетателей нашего народа, Ив. Вазов писал: «Эти дома⁹⁷, сегодня еще малоизвестные, со временем станут местами поклонения болгарского народа, и их историческое значение будет бесценным для болгарских поколений. Они являются иерусалимами болгарской признательности»⁹⁸. Осматривая музей и мавзолеи в Плевне, Пордиме и других местах, Иван Вазов сказал, что Стоян Заимов был «главным виновником» их создания, отдавшим этому делу «весь свой энтузиазм и неутомимую энергию»⁹⁹. Вазов уважал Заимова как революционера. В знаменитом романе «Под игом» прототипом героя Бойчо Огнянова (Кралича) послужили Вазову Василь Левский и Стоян Заимов. Об этом говорил сам автор проф. Ив. Шишманову. «Бойчо Огнянов,— сказал Вазов,— является синтезом Левского и Заимова... Эпизод в первой главе «Под игом» (бегство Кралича) мне рассказал Заимов»¹⁰⁰.

Стоян Заимов, как трезво мыслящий буржуазный деятель, положительно относился к Советскому Союзу¹⁰¹. В этом направлении он оказал влияние и на своего сына Владимира. Генерал Владимир Заимов был одним из смелых и последовательных борцов за болгаро-советскую дружбу, другом Советского Союза в мрачные годы фашистского рабства в Болгарии. За свою политическую деятельность он заплатил жизнью. В передачах радиостанции «Христо Ботев», посвященных генералу В. Заимову, говорилось, что он «является достойным сыном своего достойного отца»¹⁰².

Советская и болгарская общественность не могут расценивать деятельность Стояна Заимова иначе, как положительно, и отдают ему должное как заслуженному деятелю болгарского революционного движения, борцу за болгаро-русскую дружбу.

⁹⁷ Речь идет о домах-музеях.

⁹⁸ И. Вазов. Собрание сочинения. Т. II. София, 1946, стр. 195—196.

⁹⁹ Там же, стр. 183.

¹⁰⁰ С. Каракостов, Указ. соч., стр. 433.

¹⁰¹ Стоян Заимов умер в 1932 году.

¹⁰² «Говори радиостанция Христо Ботев». Т. 2, стр. 404.